

С такой скоростью она давно не бегала. Может быть, даже никогда.

Вскакивать субботним утром ни свет ни заря, вместо того чтобы нежиться в постели до обеда, с каждым разом становилось всё тяжелее. В позапрошлый раз Марина не успела позавтракать, в прошлый — позавтракать и накраситься. А сейчас она вообще проснулась за двадцать минут до электрички. Пришлось просто хватать сумку и нестись со всех ног огородами.

Электричка уже подошла. К ней бежали еще двое опозданцев. Марина нырнула в лазейку, сделанную в заборе безбилетниками, взлетела на платформу по приставной доске — и успела вскочить в последний вагон вместе с этими двумя.

Оба были старые знакомые. Рафаэль, с которым они учились в одном классе, пока тот не перешел в московскую музыкальную школу, и Ник, которого все вокруг, включая его самого, считали ее бойфрендом. Пока они на новогодней дискотеке не поругались так, что, когда начинали мириться, то только еще больше ссорились. А на лето он умотал, как всегда, в какое-то путешествие.

Надо же — вырос еще на голову. Только уже не походно-лохматый, а, наоборот, коротко и элегантно подстрижен. И непривычно стильно одет — явно не с маминой подачи, неужели сам научился? Рафаэль, наоборот, отрастил кудри до плеч — должно быть, сценический образ.

— Привет, Микеланджело, — сказал Ник Рафаэлю, а Марине: — Бегаешь во сне?

— Нет, сплю на бегу.

— На учебу, что ли?

— Куда же еще.

Они уселись втроем на свободное сиденье. Марина полезла в сумку за зеркальцем — если вид всего лишь сонный, это еще полбеда! — и не увидела на месте кошелька. Порылась. Порылась как следует. Потом перевернула сумку и вытрясла всё содержимое. Кошелька не было. Где-нибудь дома валяется.

— Прощай, обед и ужин, — признала она малоприятный факт.

Про шопинг в торговом центре можно и не упоминать. А ведь Дора, домработница, твердила, начиная с первого класса: соби-

рай сумку вечером.

– Фигня, – посочувствовал Ник. – У вас сколько пар?

– До конца дня. А ты тоже на подготовительные курсы?

– Ну да, до вечера.

– А я на частный урок еду, – поведаль Рафаэль. – Я тоже без бабла. Один мамин земляк держит забегаловку – меня там кормят обедами, мама договорилась.

– Сейчас пойду по вагонам, – засмеялась Марина. – Дайте на еду десять копеек!

– А что, – загорелся Ник, – вон их сколько пляшут и поют! Да все, кому не лень. Сейчас Рембрандт тебе насобирает, он же профессионал!

Рафаэль снисходительно хмыкнул и начал расспрашивать Марину, слушала ли она по выходным выступления их оркестра в парке, и какие впечатления. А Ник не отставал:

– Чего сидишь? Время пропадает! Озолотился бы уже. Пой давай!

– Рафаэль не поет, он играет джаз, – пояснила Марина.

Рафаэль огрызнулся:

– Вот сам и пой.

Ник ненадолго задумался, потом достал мобильник и начал перебирать мелодии.

– О, нашел! То, что надо.

Рафаэль молча покосился, а Ник бесцеремонно вытряхнул ноты из его пакета:

– Пакет забираю. Увидимся. Начну разбег с первого вагона. Контры там уже прошли.

– Ты чего, прикалываешься? – не поняли Марина и Рафаэль, но его уже след простыл.

Рафаэль покрутил пальцем у виска и снова завелся о выступлениях, а Марина пожалела, что место рядом с ней опустело так быстро. Ведь еще ехать и ехать, могли бы вместе... В то, что Ник начинает какой-то разбег, верилось слабо, пока, уже ближе к Москве, двери не распахнулись и не вошел... Ник. Не глядя на них, остановился в проходе и громко заявил:

– Господа пассажиры, студенты, дачники! Желаю всем хорошего пути.

А потом включил мелодию на мобильнике в качестве аккомпанеента и запел:

*Что такое осень? Это небо,
Плачущее небо под ногами!*

Марина замерла. Рафаэль пренебрежительно приподнял бровь:

– Чего творит? Да у него ни голоса, ни слуха.

– У него есть харизма, – возразила Марина с удивлением.

Она могла думать только: «Это для меня?» и «Это он?». Тот самый Ник? Который был обычно таким ловким на воле, в походах, а на людях всю свою естественность терял, на дискотеке становился неуклюжим, в компании – по-дурацки себя вел и по-дурацки ревновал. Неужели человек может так перемениться? Теперь ее бывший стоял посреди вагона, набитого народом, совершенно не стеснялся этого, так же как и отсутствия музыкальных дарований, – и пел как умел.

А люди слушали старую песню, и никто не предлагал ему заткнуться. Исполнителя заметно радовала осень, проносившаяся за окнами, и с таким же заметным юмором он относился к собственному исполнению. А в пакет летели денежки, слева и справа. Ник с веселыми «спасибо!» двинулся по проходу, потом с триумфом вернулся:

– Блин, уже последний вагон! А я дальше ломиться хотел. Только во вкус вошел, даже вас не заметил. – И подал Марине пакет, конфискованный у Рафаэля: – Это на еду.

– Классно получилось, – поблагодарила Марина. – Публике понравилось.

Рафаэль, который сам рассчитывал услышать подобное, остался недоволен. Ник жизнерадостно откликнулся:

– Правильный выбор песни – сто процентов успеха! Осень вечно права. А дальше – полчаса позора, и можно идти в «макдак».

— Тебе на какое метро? — спросил Рафаэль у Марины. На Ника он не глядел, но тот повернулся к нему и сказал доброжелательно:

— Да ни на какое. Ты же видишь, она не завтракала, ей надо кофе попить. И мне надо кофе попить. Тут в торговом центре хорошие бургеры. А ты езжай, частные уроки нельзя пропускать. Родители деньги платят. — И не удержался: — Что же ты — столько учишься, а так ничего и не выучил? Даже для вагона?

Рафаэль обиженно начал, что джаз не зубрят, это искусство импровизации. Ник перебил:

— Дружба — тоже искусство импровизации. А еще друг называешься. Пока, Леонардо.

Не успевала Марина отклонить звонок, как мобильник снова надрывался. Она незаметно отключила его и увидела, что Ник сделал то же самое. Значит, и его в институте кто-то ждет? И он тоже не собирается ни спешить туда, ни объясняться.

В кафешке они первым делом высыпали на стол содержимое пакета, чтобы отсортировать мелочь. Столкнулись лбами над кучей. Марина еще раз легонько стукнула Ника лбом, он иронично прокомментировал девчачий предрассудок:

— А, это чтоб не поссориться? — и головы не убирал.

— Ну, чтобы хоть не сразу, — отвечала Марина, также не отодвигаясь.

Оба смеялись, но так и продолжали сидеть голова к голове, а парень за стойкой громко растолковал:

— Не, ребят, это к свадьбе. Правду говорю! Что заказывать будете? — А когда ему высыпали гору железных десятков, выпучил глаза: — Вы что, игровой автомат грабанули?!

— Кофе тут и правда вкусный, — заметила Марина, когда они устроились с подносами у панорамного окна.

Внизу плыли потоки машин, по стеклу расплывались дождевые потоки — по ту сторону была призрачная реальность, по эту — счастливый сон. Как же хорошо, что она спит на бегу и бегаёт во сне. Теперь главное — не проснуться.

— У вас дома кофе сто пудов лучше, — уточнил Ник. — Я помню.

— Так заходи. Все наши будут рады.

— А ты?

— И я.

К их столику приблизилась бабка в пуховике, похожем на телогрейку, и клетчатой шали, похожей на плед:

— Молодежь, помогите на бедность.

Пока Марина прикидывала, сколько у них осталось, Ник гостеприимно заявил:

— С удовольствием, бабушка. Вот только денег у меня нет, зато есть карта. Давайте я куплю вам еды, сколько нужно. Говорите, чего вам хочется.

Что он несет, удивилась Марина, а бабка насупилась:

— Не надо мне еды. Мне деньги нужны. — И поковыляла к другим посетителям.

— Слышала? — смеющийся Ник повернулся к Марине. — Бедные — они не голодные, им еда не нужна! Эта мафиозная бабка тут постоянно ошивается, деньгу зашибает.

Марина веселья не поддержала.

— Откуда тебе знать, что она мафиозная?

Ник с удовольствием вскочил.

— Пошли, проверим!

Старуха уже вышла из кафе, Ник настиг ее сзади и страшным голосом пророкотал:

— Стой, бабка! На кого работаешь?!

— Ой. На Махмуда, — пискнула бабка и, не оглядываясь, припустила со всех ног.

Ник опять не мог удержаться от хохота. Марина не сдавалась:

— Ну и что? Какая разница. Могли бы ей остаток мелочи отдать. Жалко, что ли?

Теперь казалось, что внутренней свободы и раскованности в Нике уже чересчур.

— Не жалко, — согласился он. — Но для меня это было бы лицемерие. Если бабка сначала работала на Сталина, а теперь —

на Махмуда, то это ее личное дело. Тебя, что ли, печалит, что я старших не уважаю? То, что кто-то коптил небо дольше меня, еще не повод для моего уважения.

Они медленно шли по сияющему торговому центру. Марина остановилась у эскалатора, идущего вниз:

– Мне пора. Хочу успеть на вторую пару.

На улице обнаружилось, что реальность не призрачна, дождь – настоящий, а от счастливого сна она проснулась.

Весь день тот самый одноклассник, который не дозвонился, пытался ее развеселить. А Марина весь день думала, что вела себя глупо, причем из-за какой-то ерунды, и наконец сбежала с последней пары. Из метро позвонила Нику:

– Ты когда обратно?

– Да хоть сейчас, – откликнулся он как ни в чем не бывало. – Давай в торговом центре встретимся.

Марина пришла пораньше и от самого входа увидела спектакль.

Ник тоже пришел пораньше и развлекался. Они с другом стояли у эскалатора и громко обсуждали спускавшихся дам. На протяжении всего пути сверху вниз те могли прослушать подробности об особенностях своей фигуры, об излишнем весе, необходимости фитнеса и косметических процедур, о нелепостях в одежде, о смехотворных прическах, пошлых украшениях и диком макияже.

Придаться было не к чему: юноши вели приватный разговор, исключительно друг с другом, и мало ли о ком – они даже по сторонам почти не смотрели. Однако женщины съезжали вниз с пылающими лицами. Большинство спешило прочь, некоторые бросали на насмешников гневные взгляды, одна решила выразить протест – но ее вежливо не поняли.

«Это – он?!»

Сколько раз сегодня она задавала себе этот вопрос? Марина постояла, послушала – и развернулась в сторону электричек. Пусть она будет ханжа и зануда. Пусть у нее никакого чувства

юмора.

Минут через десять зазвонил мобильник. Она хотела отклонить звонок, потом ответила:

– Можешь не ждать. Я уже еду домой. Так получилось. Ну, или – не получилось.

Тут же пришла эсэмэска, вероятно, тоже издевательская: «А на кофе приходите?». Со смайликом.

– Нет, папа, это невозможно! Стоит нам встретиться, как мы тут же ссоримся! Он нарочно всё делает, чтобы меня разозлить!

– Ты на него злишься, а он всё равно приходит? Вы полгода не встречаетесь, а он появляется? Не забывает про твой день рождения, приходит с подарком? И вообще периодически возникает в поле зрения? Ты звонишь – а он отвечает? Твой номер не стерт из его мобильного? И что бы всё это значило?

Пал Палыч, не глядя на дочь, придирчиво осматривал в зеркале свой стильный замшевый пиджак.

– Только, пожалуйста, не начинай снова его защищать, – потребовала Марина. – Ты бы видел, каким циником он стал!

– В семнадцать лет все циники и бабники, – махнул рукой Пал Палыч и вытащил из шкафа другой пиджак, кожаный.

– И ты тоже был?

На это Пал Палыч гордо ответил:

– Нет, это все остальные – один только папа был не такой! Как думаешь, этот лучше?

– Не лучше, ты на байкера похож.

И кожа была отвергнута. Из шкафа явилась джинсовая куртка.

– Ты не представляешь, детка, всю сложность этого периода в жизни мужчины...

– Дора говорит, что у мужчин всегда переходный возраст.

– К Доре мы еще вернемся. Так вот, в сжатые сроки надо определить свои отношения с алкоголем, с женщинами, с деньгами, с профессией...

Марина дернула плечом:

– Подумаешь. Всем надо.

Пал Палыч, не слушая, продолжал:

– Да он же просто за косички тебя всё время дергает. Не приходило в голову, что это в том числе для тебя ему придется становиться и крутым, и циником, и бабником? Чтобы соответствовать меняющимся запросам? Чтобы было что предъявить?

– Нет, – помрачнела Марина, – он сам для себя и актер, и публика... Тебе зачем эта джинса? Ты что, на пикник собрался? Ты вообще куда наряжаешься?

Пал Палыч вздохнул:

– Не знаю, если честно. Куда моя дама захочет. Это должно решиться спонтанно. Потому я и должен выглядеть и по-походному, и по-ресторанному – на все возможные случаи.

– Дама?

Марина вспомнила, что папа последнее время пропадает по вечерам. То, что сама она пропадает – это так и должно быть, она же молодая. Но папа! Если он работает – это нормально, но если это дама – это как? Марина растерялась.

– А я? А мы не вместе в выходные?

– Тебе ж в Москву, – напомнил Пал Палыч. – А мне что, дома куковать в одиночестве? Павлик с классом в поход отправляется. Такая теплая осень – и для походов, и для пикников. Так ты советуешь вернуться к замшевому варианту? Вообще пора новое что-то уже прикупить... Насчет выходных мы, значит, определились – а сейчас я тоже убегаю. Не скучай. Да, – притормозил он, – чуть не забыл: Дора. Надо же вам сказать. Павлик! Иди сюда, к нам, тебя это тоже касается!

Павлик явился. Рольд, пятнистый серый дог, тоже приплелся и уселся посередине комнаты, внимательно глядя на хозяина. Пал Палыч торжественно объявил всем троице:

– Дети мои! Дарья Васильевна просила, чтоб я сам вам сообщил. В ее жизни готовится счастливое событие. Она выходит замуж! Ну и в нашей жизни, соответственно, готовится печальное событие, потому что она от нас уходит, – добавил он скороговоркой.

– Выходит – уходит, – Павлик глубокомысленно сопоставлял оба сообщения.

– Вот именно. Я, разумеется, просил ее остаться. Она, разумеется, не бросит нас на первых порах...

– Погоди, папа, – перебила Марина. – А куда... за кого?

– Этот счастливец, ее избранник – Герман Степанович, который помогал нам в саду.

– Да он же старый, – разочарованно протянул Павлик, а папа наставительно произнес:

– Мужчины не бывают старыми, а только в самом расцвете сил.

– Бывают, – упорствовал Павлик. Он всё больше надувался: видимо, начинал воображать, что баловства и вкусняшек – всего того, что связано с Дорой и что казалось таким естественным, – в его жизни больше не будет.

Марина с беспокойством за ним наблюдала – кажется, сейчас заревет. Он же сколько помнит себя, столько помнит Дору. Она появилась в семье сразу после смерти мамы – когда Павлик родился. Да уж, благоразумно та поступила, перевалив на отца свое сообщение. Но все-таки, как же так внезапно?!

– А почему она должна от нас уйти? Разве они уезжают из города? Или этот, в расцвете сил, не желает, чтобы она у нас работала? Но Дора ведь не просто работала – она член семьи! А сама она что, согласна с этим? Она не может, что ли, ему возражать?

– Потом-потом! Мы обо всем еще поговорим. Сейчас я убегаю. Не волнуйтесь ни о чем, мы что-нибудь придумаем и грамотно всё разрулим! Ну, возьмем на себя какие-то необременительные домашние обязанности, подумаешь. Не стоит возводить быт в культ. Я и раньше продукты закупал, с голоду не умрем. А вам пора привыкать к самостоятельности, а то Дора совсем вас занячила!

И Пал Палыч спасся бегством.

Так вот что означали все эти модные пиджаки и новые наря-

ды Доры! Марина, сидя на уроке, машинально рисовала на обложке тетради шикарное платье. Оно было, оказывается, для мужчины в расцвете сил. Удлинила подол, превратила его в шлейф, добавила пышные рукава, потом голову, на голове изобразила фату. Вот так, теперь порядок.

А не связаны ли оба события? Может, это после того как папа перестал скрывать свой роман, Дора приняла предложение садовника? Может, она не желает оставаться в их доме, если там появится новая хозяйка? Неожиданная мысль о некоей новой хозяйке оказалась так неприятна, что Марина поспешила ее на время отогнать и сосредоточиться на счастье, которого она должна желать отцу и Доре.

Однако никакого счастья не ощущалось — только обида на то, что оба готовы дружно повернуться к ним с Павликом спиной и любить кого-то другого. Марина понимала, что это неприлично, что братику было бы еще простительно, а она уже взрослая — но ничего не могла поделать. Обнаружился факт: она относится к своим взрослым чисто потребительски — они должны ее любить и о ней заботиться. В этом их предназначение. То, что оба могут хотеть еще какой-то личной жизни и имеют на это право, не укладывалось в голове.

Ну ладно папа — ему тридцать семь, а выглядит он моложе и считается практически юношей. Но Дора, которой за сорок! Какой смысл выходить замуж в конце жизни, на пороге пенсии?! Когда-то именно Дора объясняла ей, что такое месячные, и растолковывала, как устроены мужчины и как с ними себя правильно вести. Но то, что к ней самой это может иметь отношение, казалось нереальным. Дора могла иметь отношение только к кухне и плите.

Марина представила кухню, в которой нет Доры — получался абсурд. Оставалось только острое чувство одиночества, только вчерашний детский вырвавшийся вопрос «а я?» — и было неважно, что она уже взрослая.

Взгляд скользнул по портретам русских писателей и плакатам, висящим на стенах класса. *«Во дни сомнений, во дни тягост-*

ных раздумий... ты один мне поддержка и опора...» Конечно, он один! Только он один и остался. Они ссорятся, а он всё равно появляется! Они давно расстались, но он не исчезает из ее жизни! *«Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома?»*

Марина шла на урок к репетитору, подбирая кленовые листья и думая, звонить или не звонить. Ведь один раз позвонила уже, а потом не пришла. Опять из-за какой-то ерунды! И это – после подвига с десятью копейками! Нет, плохая идея. Нет, звонить невозможно. Она просто разнюнилась. Надо взять себя в руки, надо держаться самой, а не тыкаться в поисках поддержки и опоры.

Репетитор дал задание, а сам убежал – у него, кажется, антенна с крыши свалилась. Марина решила все уравнения и начала перебирать учебники, стопкой лежащие на столе. Один был подписан: NikVer. Жирным черным маркером. Знакомым почерком. Николай Берестов.

Стало одновременно и грустно и радостно, она даже озадачилась – как это могут быть два таких разных и таких отчетливых состояния в один момент. Они сидят здесь, за одним столом, только в разное время! Это было так здорово, что Марина почему-то подумала: один – ноль. Но тут же счет обнулился: ну и что. Да здесь полгорода бывает.

И принялась разрисовывать свои кленовые листья смешными рожами и забавными котами, а потом раскладывать их между страницами чужих учебников. Шариковая ручка легко скользила по живой шелковистой поверхности. Рядом с рисунками появлялись надписи «Улыбнись!» и «Удачной контрольной!».

Постепенно охапка листьев перекечевала в стопку учебников. Оставался один, последний, чистый светло-желтый лист. Марина долго на него смотрела, потом вместо веселых рож зарисовала такими же кленовыми листьями, приписала «*Осень вечно права*» – и вложила в «Алгебру» Ника.

Репетитор вернулся умиротворенным.

– Что, вызвали мастера?

– Да, мастер уже за работой! Осторожней в прихожей – там лампочка перегорела.

И Марина, пробираясь к вешалке, сразу же на кого-то наткнулась.

– Здорово, двоечница, – приветствовал ее в темноте знакомый голос.

Как стремительно действует кленовая почта! Он ведь даже не успел ее получить.